

Эдуард Басин, Валентина Скиданова
**ПОДРОСТКОВАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК ОБРАЗЕЦ
СМЕХОВОГО ТВОРЧЕСТВА**

«...С наибольшими и очень важными трудностями человеческое познание, – отмечал М. Монтень, – сталкивается именно в том разделе науки, в котором речь идет о воспитании и обучении в детском возрасте» [5, с. 138]. В наше время **отсутствует аргументированный подход** к выяснению причин появления и обнаружения сущности такого явления как детская культура. Это приводит к тому, что она почти полностью существует за границами учебно-воспитательного процесса. А образцы подросткового новотворчества не используются или используются очень ограниченно в педагогической литературе. Отсюда и **цель** данной статьи – обратиться к подростковой субкультуре, которая довольно широко распространена в детской среде и переходит от поколения к поколению. Все это определяет и **основную задачу** статьи – показать условия, причины появления и существования подростковой субкультуры.

Психологами установлено, что индивид становится личностью только лишь тогда, когда он осознает себя свободным в моральном выборе, чувствуя себя творцом. А для этого он должен выйти за жесткие границы социально признанных, обозначенных, выделенных стереотипов поведения в сферу «наднормативного поведения», где не все признанно, где господствует момент риска.

Особенность морали в том и состоит, что она предвидит не простое наследование общепризнанным нормам поведения, а возможность учащегося критически относиться к действительности и выбирать личную линию поведения. Это означает, что «индивид должен начать выполнение моральной задачи не тогда, когда он к нему абсолютно подготовлен..., а тогда, когда задача требует от него готовности. Другими словами, моральная ситуация есть всегда ситуацией неопределенности и риска» [3, с. 47].

Феномен творчества по своей природе предполагает наличие неопределенности, которая и составляет основы для свободы морального выбора. Это подтверждает тезис И. С. Кона «Личность, свобода и творчество – в определенном смысле являются

синонимами [3, с. 48]. Однако психологическая сложность морального выбора заключается в неспособности подростка однозначно определиться в оценке конкретной ситуации, то есть понять, что есть добро, что есть зло. Именно поэтому в формировании критического мышления, как ценностной ориентации, начальным является вопрос о различении и сравнении личных ценностных представлений с совершенством, идеалом добра. «Мы не можем осознать себя недостойными или несовершенными, – утверждает В. Соловьев, – если не имеем идеи о противоположном, то есть о совершенстве» [6, с. 252]. Незнание того, что есть добро, вызывает зло в человеке. Поэтому необходимы моральные нормы, опираясь на которые как на внешние императивы, личность определилась бы в своей доброжелательности. В педагогической практике были попытки сформировать ценностные ориентации с помощью системы моральных императивов И. Канта или других непреходящих ценностей, которые бы имели силу морального влияния. Но станут ли они тем моральным регулятором, который бы предостерег человека от плохого, злого поступка? Отыскивая источники добра и пути его внедрения в моральную природу человека, В. Соловьев спрашивает «...если совесть есть только психологическим явлением, то в чем ее обязательная сила?» [6, с. 243], и не находя этой «обязательной силы» в кантовских императивах, он обращается к допущению о существовании некоторой нечеловеческой силы, «которая духовно питает в целом жизнь человечества» [6, с. 245].

Культура обретает смысл лишь в условиях ее активного использования, социокультурного творчества. Этот факт должен быть для педагогики определяющим, так как такая специфика культуры обуславливает постоянное объединение устоявшегося и изменяющегося, найденного и еще находящегося в поиске, опробованного и обновленного, традиции и новации. И это непосредственно касается преподавателя, так как он должен знать, что подростки начинают осваивать свою роль в культурной жизни человечества с освоением детского фольклора как особой культурной традиции. Собственный вклад в мировую культуру, в частности детскую, можно осуществить лишь путем личного прочтения уже существующего и приспособить ее устоявшиеся

образцы к своим потребностям и вкусам, и уже потом – создания нового, и если образование провозгласило: от человека образованного – к человеку культурному и пытается сделать центром детского, подросткового культуротворчества именно школу, то преподавательская задача состоит в том, чтобы привлечь подростков не только к запоминанию того, что возникло задолго до них, но и научить использовать свои знания в современной жизни, в своей культуре. Но этих знаний, полученных подростками, недостаточно. Как продукт устного коллективного творчества примеры детского фольклора распространяются коммуникацией фольклорного типа, то есть от индивида к индивиду, в непосредственном контакте с вариативными изменениями, постоянно приспосабливаясь к конкретным социокультурным условиям. Стихи, пословицы, загадки, считалочки и являются ярким примером таких обезличенных фольклорных жанров.

Будучи грубыми, а иногда даже и аморальными, они представляют собой своеобразный подростковый юмор:

«Косточка к косточке,

Звездочки в ряд...

«КамАЗ» переехал отряд октябрят».

Или же:

«Маленький мальчик нашел пулемет,

Больше в деревне никто не живет»

и т.п.

Среди причин агрессивности подростков, которые выражаются в подобном творчестве, можно выделить как социальные, так и психологические, что связано с возрастными психологическими особенностями подростка, характером межличностных взаимоотношений у детей данной возрастной группы.

Ребенок подросткового возраста стремится привлечь к себе внимание, понимание и доверие взрослых. Он старается играть определенную социальную роль не только среди одноклассников, но и среди взрослых, то есть проявляет социальную активность. Но иногда взрослые сдерживают эту активность, т. к. в их среде утвердилась позиция, что подросток – это прежде всего ребенок и поэтому должен слушаться. Поэтому между взрослыми и

подростками растет психологический барьер. У многих подростков существует неадекватное представление о мужестве, которое они часто отождествляют с грубостью, жестокостью, агрессивностью. И это, как мы отмечали выше, проявляется в особой подростковой субкультуре, которую можно определить как черный юмор.

Ни один фиксированный культурный текст не «успевает» за его живым прототипом, который является гибким, динамичным, объединяя правила с творческой интерпретацией [2, с. 38].

Известный философ М. Мамардашвили пишет, что «энергия зла черпается из энергии истины, уверенности в видении истины» [4, с. 116]. Это означает, что в условиях некритического мышления преувеличенная уверенность истинности личного видения создает у человека мотивацию к его объективизации, воплощения в общественную практику, в случае востребованности и в разрез общественным, моральным ценностям. Известно, что «сократовские диалоги» как противопоставление этой «уверенности в видении истины» можно выделить лишь как вербальную практику, но «когда человек много раз в разных контекстах проговаривает те или иные конкретные ситуации, он не только приобретает навыки размышлять о них, но и привычку развязывать их мирно, без кулаков. Происходит переход природной агрессии подростка на вербальный уровень, в пространство, которое допускает переговоры [8, с. 40].

Можно вспомнить, что уже в текстах Старого Завета жестокость рассматривалась как недопустимая негативная сила, с которой каждый человек должен бороться, формируя в себе лучшие человеческие качества. Например, в Соломоновых Притчах есть поучение, с помощью которых формируется порядочность, милосердие и любовь: «Кроткое сердце – жизнь для тела, а зависть – гниль для костей» [1, с. 651]. «Не ревнуй злым людям, и не желай быть с ними, потому что о насилии помышляет сердце их, и о злом говорят уста их» [1, с. 659]. Притчи призывают к терпимости и рассудительности: «Не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твое, когда он споткнется» [1, с. 659].

Гуманность, которая является альтернативой жестокости, в библейском учении выражена такими словами: «Если голоден враг

твой – накорми его хлебом; и если он жаждет – напой его водою» [1, с. 660].

Постулаты Нового Завета поддерживали мыслители М. Ганди, М. Кинг, Г. Сковорода, В. Соловьев, Л. Толстой и др., которые были и теоретиками, и практиками философии ненасилия. Их учение – это также способ избежать жестокости в человеческих взаимоотношениях.

И немаловажную роль (свидетельствуют Р. Дерон, Э. Доннерштейн, У. Мюллер, Ф. Ницше, З. Фрейд и др.) в преодолении агрессивных проявлений у подростков играет чувство юмора, смех, которые способны разрядить напряженную эмоциональную ситуацию. Именно юмор часто может ослаблять конфронтацию и предупреждать жестокость.

Замечено, что агрессивность подростков может значительно снизиться, если они будут участвовать в играх. Опыт ребенка почти всегда облекается в форму игры. Играть в детстве – то же, что и накапливать опыт, а этот накопленный опыт порождает в свою очередь новые знания, новые чувства, новые поступки и новые способности, одной из которых является сочинение стихов-перевертышей, которые сами по себе являются игрой. На это обратил внимание К. Чуковский.

Считается, что само это стремление к обратной координации вещей порождено в ребенке стремлением к юмору, а осознание игры как игры еще более способствует комическому действию, производимому ею. Но «Не о комизме хлопочет ребенок, когда занимается этой игрой: главная его цель, как и во всякой игре, – упражнение новоприобретенных сил, своеобразная проверка новых знаний» [7, с. 238].

Ребенок забавляется обратной координацией вещей, его окружающих тогда, когда правильная координация стала для него очевидной. Игра заключается в том, что прямую зависимость он заменяет обратной, большому приписываются качества малого, а малому – качества большого. Эта игра выражается в множестве детских стихов о самых ничтожных букашках, которым приписываются особенности огромных зверей, или же наделение героев забавной глупостью. Такое дурашливое наделение малого и легковесного качествами огромного и тяжелого, обнаружение забавной глупости у героев является одним из самих

распространенных видов перевертышей в детском фольклоре. Например,

Полетел комарище в лесище,
Садился комар на дубище [7, с. 239] и т. п.

Все это позволяет ребенку почувствовать свое умственное превосходство над всеми, кто обнаруживает такое незнание окружающего мира. Именно так умственные возможности ребенка как бы сдают экзамен, выдерживая его, что «значительно поднимает в нем уважение к себе, уверенность в своем интеллекте, столь необходимую ему, чтобы не растеряться в этом хаотическом мире. В этом проверочном испытании, в этом самоэкзамене и главное значение детской игры в перевертыши» [7, с. 241].

Веселость, которую вызывают перевертыши у ребенка, заключается в том, что они повышают его самооценку. И это немало, т. к. для ребенка очень важно быть о себе высокого мнения. Ведь он целый день ждет похвал, одобрения и любит показывать свои превосходные качества.

Ежедневно на ребенка обрушивается огромное количество отрывочных, путаных знаний. И ему приходится приходить к постоянной систематизации всех явлений своего духовного мира. Совершая эту трудную работу, он уже до пятилетнего возраста усваивает все «самые прихотливые правила грамматики родного языка и научается мастерски распоряжаться его приставками, суффиксами, корнями и флексиями» [7, с. 243].

Ребенок, производя в этих играх постоянную систематизацию, классификацию и координацию вещей, его окружающих, естественно, проявляет повышенный интерес к тем умственным играм и опытам, где эти процессы стоят на первом месте. Отсюда и популярность в детской среде стихов-перевертышей, которые существуют в течение многих столетий и у многих народов. В этом тяготении детей к нелепицам можно найти пример той своеобразной педагогики, при помощи которой дети, независимо от своей принадлежности к тому или иному народу, формируют свое реалистическое постижение внешнего мира.

И если вообще полезны для ребенка детские игры, которые помогают ему ориентироваться в окружающем мире, тем более полезны ему эти умственные игры в обратную координацию вещей.

Существенное достоинство этих игр заключается в том, что они по самой своей природе комические: никакие другие игры не подводят ребенка так близко к первоосновам юмора. А это важная задача: воспитать в ребенке юмор – такое качество, которое, когда ребенок подрастет, будет способствовать его сопротивлению всякой неблагоприятной среде и оставит его высоко над мелочами и дрязгами [7, с. 245]. А у ребенка вообще есть потребность смеяться. И дать ему этот материал для удовлетворения подобной потребности являться одной из задач воспитания и образования.

Чтобы выявить механизм воспроизведения чувственного опыта, который, в определенной мере, находится в этих образцах, чтобы сформировать в каждом подростке личное отношение к факту культуры, необходимо создать условие для его проживания, переживания. Только в таком случае можно надеяться на превращение культурного опыта других в личные достижения подростка.

И в качестве **вывода** следует отметить, что преподаватель, воспитатель, который не исследует субкультуру своих воспитанников, может сколько угодно изучать литературу и не найти там ничего, что касается норм поведения, правил, по которым живут подростки. И поэтому, если мы не будем знакомы с субкультурой наших подростков, т. е. их ценностями, идеалами, нормами коллективного существования, то мы не имеем права и говорить о том, что мы знаем, как их воспитывать и как их учить.

1. Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Mikkeli, 1990.
2. Жорнова О. Чи довго ходитиме «щуцик по болоту»? // Рідна школа. – 2001. – № 12.
3. Кон И. С. Психология доброго поступка // Этическая мысль. – М.: Политиздат, 1988.
4. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс-Культура, 1992.
5. Монтень М. Опыты: в 3-х книгах. – М.: Наука, 1979. – Т. 3.
6. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Соч. в 2-х тт. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1.
7. Чуковский К. И. От двух до пяти. – К.: Вэсэлка, 1988.
8. Юлина Н.С. Обучение разумности и демократии: педагогическая стратегия «философия для детей» // Вопросы философии. – 1996. – № 10.